

Check for updates

Зарубежная литература

УДК 82.0

EDN HFBZLJ

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2024-6-1-5-11>

Историческая поэтика и поэтика истории: от Александра Веселовского до Хейдена Уайта

Ю. В. Балакшина ¹

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Для цитирования:

Балакшина, Ю. В. (2024) Историческая поэтика и поэтика истории: от Александра Веселовского до Хейдена Уайта. *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 6, № 1, с. 5–11. <https://doi.org/10.33910/2687-1262-2024-6-1-5-11>
EDN HFBZLJ

Получена 11 июля 2023; прошла рецензирование 3 ноября 2023; принята 3 ноября 2023.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © Ю. В. Балакшина (2024). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В статье сопоставляются два метода гуманитарного знания, включающие в себя как анализ процессуальности явления (историю), так и рефлексию по поводу принципов его словесного или иного оформления (поэтику): историческая поэтика Александра Веселовского (1838–1906) и поэтика истории Хейдена Уайта (1928–2018). Прослеживается эволюция взглядов Веселовского на предложенный им метод (от эволюции содержания, отливающегося в устойчивые формы, к эволюции самих форм), а также некоторые изменения, которые привнесли в понимание метода его продолжатели, в частности, С. С. Аверинцев, связавший «слово» и «историю» через человека и позволивший исторической поэтике обрести антропологическое измерение. Х. Уайт, тяготеющий к лингвистическому повороту в философии, развивает мысль о том, что прошлое является территорией фантазии, а значит историописание представляет собой отчасти художественное творчество. Элемент художественной поэтики в процессе описания истории он находит как на уровне одной из объясняющих стратегий (объяснение посредством сюжета через архетипы Романа, Комедии, Трагедии и Сатиры), так и на уровне дорациональном — в «префигуративном акте», предшествующем созданию исторического текста и понятом им как акт поэтический (через тропы поэтического языка Метафору, Метонимию, Синекдоху и Иронию). Сопоставление исторической поэтики и поэтики истории позволяет увидеть путь фундаментальных изменений в методологии гуманитарного знания, свершившийся в течение XX века, а также по-новому осмыслить роль художественного начала и языка в процессе научного познания, увидеть значение человека в методологии «наук о духе».

Ключевые слова: литературоведение, история, метод, поэтика, историческая поэтика, тропология, аналитический поворот

Historical poetics and poetics of history: From Alexander Veselovsky to Hayden White

Yu. V. Balakshina ✉¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

For citation: Balakshina, Yu. V. (2024) Historical poetics and poetics of history: From Alexander Veselovsky to Hayden White. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 6, no. 1, pp. 5–11. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2024-6-1-5-11> EDN HFBZLJ

Received 11 July 2023; reviewed 3 November 2023; accepted 3 November 2023.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © Yu. V. Balakshina (2024). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. The article compares two methods of humanitarian knowledge: the analysis of a phenomenon's development in time (i. e., history), and reflection on the principles of the verbal or other description of such development (i. e., poetics). The former corresponds to the historical poetics of Alexander Veselovsky (1838–1906), and the latter, to the poetics of history of Hayden White (1928–2018). The article describes the evolution of Veselovsky's views on the method he proposed, as well as some of the changes that were brought to the understanding of the method by Veselovsky's successors — in particular, S. S. Averintsev, who added the anthropological dimension to historical poetics. H. White developed the idea that the past is the territory of fantasy, which means that historical writing constitutes, to some extent, artistic creativity. White finds an element of artistic poetics in the process of describing history both at the level of one of the explanatory strategies (explanation through the plot), and at the pre-rational level — i. e., in the 'prefigurative act' that precedes the creation of a historical text and is understood by White as a poetic act. The comparison of historical poetics and the poetics of history makes it possible to rethink the role of the artistic principle and artistic language in the process of acquiring scientific knowledge, as well as to see the significance of a person in the methodology of modern humanitarian knowledge.

Keywords: literary criticism, history, method, poetics, historical poetics, tropology, analytical turn

Введение. Постановка проблемы

Проблема метода в гуманитарном знании не утрачивает своей актуальности. Введенное Вильгельмом Дильтеем различие наук о духе (*Geisteswissenschaft*) и естественных наук не снимает вопроса о критериях научности исследований в сфере философии, филологии, истории, культурологии, теологии и др. Важными признаками собственно научного подхода к действительности являются воспроизводимость и проверяемость результатов, которая обеспечивается наличием метода как определенной последовательности интеллектуальных процедур. Любое научное гуманитарное знание процессуально и исторично, поскольку рассматривает явления в их временной протяженности, эволюционном развитии и историко-культурном контексте. Оно имеет дело с определенными формами, в которые воплощается духовная жизнь общества или индивида: различного рода текстами, ритуалами, пластическими образами, предметами культуры и быта. Следовательно, метод гуманитарного знания должен включать как анализ процессуальности явления (историю), так и рефлексию по поводу принци-

пов его словесного или иного оформления (поэтику). Цель настоящей статьи сопоставить два метода, родившихся в недрах разных гуманитарных дисциплин — филологии и истории — и предложивших два варианта сочетания поэтики и истории на путях научного познания: историческую поэтику Александра Веселовского (1838–1906) и поэтику истории Хейдена Уайта (1928–2018). Сопоставление подобного рода позволит не только подтвердить или опровергнуть продуктивность метода, возникшего в России в конце XIX века, но и выявить универсальные звенья в процессе интеллектуального научного познания в сфере гуманитарных наук.

Историческая поэтика

Вопрос о методе в науке о литературе был поставлен в России в конце XIX века в трудах профессора Санкт-Петербургского университета А. Н. Веселовского. В лекции 1870 года «О методе и задачах истории литературы как науки» Веселовский назвал свой метод в «деле историко-литературных исследований» сравнительным; при этом объектом сравнения

объявлялись «факты исторической и общественной жизни» (Веселовский 1989, 37). Давая в конце лекции определение истории литературы, ученый делал акцент на том, что это в первую очередь «история общественной мысли», которая «выразилась в движении философском, религиозном и поэтическом и закреплена словом» (Веселовский 1989, 41). Безусловный приоритет категории исторического в своем методе на первом этапе признавал и сам Веселовский, отмечая, что его метод есть только развитие метода исторического, «тот же исторический метод, только учащенный, повторенный в параллельных рядах, в видах достижения возможно полного обобщения» (Веселовский 1989, 37).

Однако, по свидетельству ученика А. Н. Веселовского Александра Михайловича Евлахова, взгляды ученого в течение 25 лет претерпели серьезную эволюцию, в частности, под влиянием критики проф. Н. И. Кареева. На раннем этапе Веселовский полагал, что динамичностью обладает только содержание жизни, которое «с каждым новым поколением проникает в старые образы, эти формы необходимости» (Веселовский 1989, 41). Суть возражения Кареева сводилась к тому, что формы в истории литературы также подвергаются эволюции: «...разве так-таки вдруг и иссякла та способность, которая в эпической старине создавала первообразы, формулы и мотивы, переходившие потом от поколения к поколению, заставляя творчество обязательно возвращаться в исстари завещанных образах?» (Кареев 1886, 61). Резюмируя возражения проф. Кареева, Евлахов писал: «Дело вовсе не в том, что выражает собой общественная мысль в процессе литературной эволюции <...>. Все дело в том, как, в каких формах выражается эта общественная мысль, т. е. в самом материале...» (Евлахов 1910, 207).

Можно сказать, что в работах 1890-х годов Веселовский не только принял поправку Кареева, но и отозвался на начало новой литературной эпохи. В 1892 году была прочитана лекция и в 1893-м опубликована работа Д. С. Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (Мережковский 1893), а в 1894 году в статье «Из введения в историческую поэтику» Веселовский дал ставшее позднее хрестоматийным определение исторической поэтики: «эволюция поэтического сознания и его форм» (Веселовский 1989, 42). Центр тяжести в изучении истории литературы сместился от вопроса «что» к вопросу «как», от истории мысли к истории форм, поэтике, что стало отличительной чертой эпохи модерна.

Однако смещение интереса ученого к изучению эволюции форм не привело к исчезновению из определения метода прилагательного «историческая». Научная мысль Веселовского исходит из типичных для XIX века установок, что существует «одна всемирная литература» и единый целостный исторический, а значит и историко-литературный, процесс, закономерности которого можно и должно описать. Масштаб его познаний позволял сравнивать «частные факты», узкоспециальные исследования, добытые из изучения русской, немецкой, французской, английской и других литератур и подниматься к универсальным обобщениям, которые он считал «идеалом исторической науки» (Веселовский 1989, 37).

В XX веке историческая поэтика имела в России немало выдающихся последователей, среди которых В. Я. Пропп, О. М. Фрейденберг, С. С. Аверинцев, М. А. Гаспаров, Д. С. Лихачев, А. В. Михайлов, Ю. В. Манн, Н. Н. Скотов, однако сказать, что метод получил европейское или мировое признание, мы вряд ли можем. С. С. Аверинцев ввел в определение исторической поэтики антропологическое измерение. В своей работе «Поэтика византийской литературы» он предложил ввести в двухчастную систему «история — поэтика» третий элемент — человек. В предисловии к книге он писал: «Вопрос о поэтике ранневизантийской литературы — двуединый вопрос. Один аспект проблемы — история и человек; второй ее аспект — человек и слово. Литературное слово должно быть соотносено с историей, с социальными и политическими реалиями истории, но соотносено не иначе, как через человека» (Аверинцев 1997, 7). В настоящий момент историческая поэтика как особый метод литературоведения продолжает оставаться в поле теоретического и практического интереса российских ученых (Тюпа 2016; Шайтанов 2007; Юрченкова 2022), но часто рассматривается не как самобытный метод, а как отечественный извод компаративистики, реже — генетического структурализма.

Поэтика истории

Двадцатый век поставил под сомнение саму категорию историчности. Историки и философы после катастроф XX века утрачивают веру в единство, целесообразность, теологическую и телеологическую направленность исторического процесса, который стал восприниматься как совокупность случайных фактов, значение которых устанавливается историком. Значение факту приписывается и зависит от позиции интерпретатора. Факт сам по себе недоступен,

он опосредован источником, требующим толкования и критики. Универсальные обобщения воспринимаются как «большие нарративы» — инструменты власти и идеологического подчинения. В этих условиях в сочетании истории и поэтики на первое место выходит поэтика как способ оформления сложного, часто деструктивного, травматического исторического опыта, который переживает человек XX века.

В 1973 году американский историк и философ Хейден Уайт (1928–2018), примыкавший к направлению лингвистического поворота, хотя и не отождествлявший себя с ним, опубликовал работу «Метаистория», в которой исследовал исторические описания XIX и начала XX века (труды Мишле, Токвиля, Маркса, Ницше, Кроче и др.) с точки зрения поэтики построения историописания в них. Перевод этого труда на русский язык был осуществлен в 2002 году в Уральском университете в Екатеринбурге.

Уайт обращает внимание, что философы XX века — от Валери и Хайдеггера до Сартра, Леви-Строса и Мишеля Фуко — подчеркивали «фиктивный характер исторических реконструкций» (Уайт 2002, 22). Сам Уайт мысль о том, что «прошлое, кроме всего прочего, есть территория фантазии» (Доманска 2010, 32), делает не основанием для критики истории как науки, а поводом для нового взгляда на историю, как отчасти на художественное творчество. «История имеет два лица: научное и художественное» (Доманска 2010, 38). Он настаивает на том, что репрезентации феноменов прошлого неизбежно останутся «литературными» — «поэтически» и «риторическими».

Уайт не ставит вопрос об истинности, достоверности, верности той или иной исторической интерпретации, но считает необходимым исследовать нарративы, исторические сочинения, изложения исторического процесса с точки зрения выявления их структурных компонентов: «...я буду рассматривать историческую работу как то, чем она наиболее очевидно является — как вербальную структуру в форме повествовательного прозаического дискурса, предназначенную быть моделью, знаком прошлых структур и процессов в интересах объяснения, чем они были, посредством их представления» (Уайт 2002, 23).

Уайт выделяет в процессе работы историка рациональный уровень, на котором выстраиваются те или иные стратегии объяснения исторических событий, и «глубинный уровень сознания, на котором исторический мыслитель избирает концептуальные стратегии, с помощью которых он объясняет или представляет данные»

(Уайт 2002, 18). Элемент художественного творчества имеет место на том и другом уровнях. Так, среди трех возможных, по Уайту, стратегий объяснения — объяснение посредством формального доказательства [formal argument], объяснение посредством построения сюжета [emplotment] и объяснение посредством идеологического подтекста [ideological implication] — особо выделяется вторая стратегия, предполагающая, что историк ориентируется на архетипы Романа, Комедии, Трагедии и Сатиры.

Еще до того, как историк начинает выстраивать свою объясняющую стратегию и формировать свой индивидуальный историографический стиль (складывающийся на пересечении различных вариантов объясняющих стратегий), он, согласно Уайту, «должен префигурировать» (Уайт 2002, 50) историческое поле. Можно сказать, что историк, имея перед собой отдельные следы безвозвратно ушедшего прошлого, должен «схватить», увидеть это прошлое как целое, уяснить себе расстановку фигур, их связи и отношения. Уайт полагает, что «префигуративный акт — это акт поэтический, поскольку в экономии сознания историка он докогнитивен и не критичен» (Уайт 2002, 51). Далее вступает в силу тропологическая теория Уайта, согласно которой механизмы такого поэтического схватывания (подготавливающего к сознательному постижению) реальности можно описать при помощи 4 тропов: Метафора, Метонимия, Синекдоха и Ирония: «Эти тропы обеспечивают характеристику объектов в различных типах непрямого, или фигуративного, дискурса» (Уайт 2002, 52).

Заключение

Сопоставление двух методов гуманитарного познания позволяет в первую очередь увидеть, что ситуация за сто лет, отделяющих Веселовского от Уайта, разворачивается на 180 градусов: история из универсального, всеобъемлющего, законосообразного процесса, порождающего эволюцию сознания и поэтических форм, превращается в поэтическую репрезентацию прошлого, от которой трудно ожидать достоверности или объективности, в которой господствуют вымысел, фантазия. Поэтика же из одной из возможных форм выражения исторического развития превращается во всеобъемлющее языковое поле, законы которого определяют формы исторического нарратива.

Однако само воспроизведение спустя век той же прочной связи поэтики и истории заставляет задуматься о более глубоких и универсальных особенностях метода в гуманитарных науках.

Современные российские ученые, исследовавшие влияние аналитического поворота на историческое познание, отмечают, что Х. Уайт создал «видение исторической наррации как поливариантного процесса организации рассказа о прошлом, имеющего не только логическое, но и эстетико-поэтическое, риторическое и иные измерения» (Губман 2021, 43). С. С. Аверинцев, размышляя о том, что разговор о «поэтике» возможен только применительно к художественной литературе, оговаривается: «Только не надо забывать, что в Средние века границы художественной литературы не всегда пролегли так, как они пролегли теперь» (Аверинцев 1997, 7). Хейден Уайт обнаруживает «литературность» в истории. Этот момент допуска в процессе исторического познания не рационального, а поэтического акта очень близок русской философской и историософской традиции. Герцен и Бердяев использовали выражение «историческая эстетика». В начале 1990-х годов К. Г. Исупов в книге «Русская эстетика истории» (Исупов 1995) заметил, что восприятие прошлого как «художественного произведения» является органичным для русской культуры. Отсюда следует, что метод в гуманитаристике характеризуется не столько и не только «наличием терминологического инструментария» или «формализованной процедуры работы с текстом», сколько языком исследователя, о чем красноречиво свидетельствовала О. А. Седакова в своих размышлениях о методе С. С. Аверинцева (Седакова 2010, 778).

Другое наблюдение, касающееся метода Уайта, также представляется нам перспективным для более широких обобщений: «Наличие спекулятивно-умозрительного компонента наррации о минувшем заключается для него в первую очередь в том, что ее финальным референтом выступает бытие человека во времени» (Губман, 43). Вопрос о человеке становится центральным если не для самого Веселовского, то для другого известного ученого, отождествлявшего свой

метод с методом исторической поэтики, — С. С. Аверинцева. В предисловии к «Поэтике ранневизантийской литературы» он указывает на первостепенное значение человека в исследовании исторических и жанровых форм прошлого: «Литературное слово должно быть соотнесено с историей, с социальными и политическими реалиями истории, но соотнесено не иначе как через человека. Нет человека вне истории, но история реальна только в человеке. Когда мы пытаемся прочертить линию, ведущую от социальных структур к жанровым структурам, линия эта не должна миновать человека, его самоощущения внутри истории, его догадки о самом главном — о его „месте во вселенной“» (Аверинцев 1997, 7). В конце XX века в трудах Уайта логика рассуждения стала иной, идущей от формы, а не от истории, но человек сохранил в ней свое центральное место, поскольку написанная история получила прямую зависимость от историка, схватывающего явления прошлого и объясняющего их, исходя из особенностей своей личности.

Историческая поэтика и поэтика истории в их взаимосвязи позволяют нам по-новому осмыслить роль художественного начала в процессе научного познания, а также открывают как историчность формы, ее зависимость от движения времени, так и потребность истории в оформлении, в устройении и организации, в проявлении смысла, что на настоящей стадии развития человечества оказывается прерогативой уже не Бога, а человека.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Источники

- Веселовский, А. Н. (1989) *Историческая поэтика*. М.: Высшая школа, 405 с.
 Уайт, Х. (2002) *Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века*. Екатеринбург: Изд-во Уральского федерального университета, 528 с.

Литература

- Аверинцев, С. С. (1997) *Поэтика ранневизантийской литературы*. М.: Coda, 342 с.
 Доманска, Э. (2010) *Философия истории после постмодернизма*. М.: Канон+, 399 с.
 Губман, Б. Л., Ануфриева, К. В. (ред.). (2021) *Лингвистический поворот и историческое познание в западной философии XX–XXI веков*. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 304 с.

- Евлахов, А. М. (1910) *Введение в философию художественного творчества. Опыт историко-литературной методологии: в 3 т. Т. 1. Методология и наука. Онтогенетический анализ*. Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 537 с.
- Исупов, К. Г. (1995) *Русская эстетика истории: На материале литературной классики XIX–XX вв.* СПб.: [б. и.], 31 с.
- Кареев, Н. И. (1886) *Литературная эволюция на Западе: Очерки и наброски из теории и истории литературы с точки зрения неспециалиста*. Воронеж: Издание журнала «Филологические записки», 338 с.
- Мережковский, Д. С. (1893) *О причинах упадка и новых течениях современной русской литературы*. СПб.: Типография Б. М. Вольфа, 192 с.
- Седакова, О. А. (2010) Рассуждение о методе. Сергей Сергеевич Аверинцев и его книга «Поэты». В кн.: *Moralia: эссе, лекции, заметки, интервью*. М.: Изд-во Университета Дмитрия Пожарского, 864 с.
- Тюпа, В. И. (2016) Актуальность А. Н. Веселовского: историческая поэтика как «русская компаративистика». В кн.: Т. В. Говенько (ред.). *Наследие Александра Веселовского в мировом контексте. Исследования и материалы*. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, с. 71–82.
- Шайтанов, И. О. (2007) Историческая поэтика А. Н. Веселовского: сравнительный метод. *Знание, понимание, умение*, № 3, с. 170–175.
- Юрченко, Т. Г. (2022) *Историческая поэтика: проблемы изучения и перспективы развития: аналитический обзор*. М.: [б. и.], 90 с.

Sources

- Veselovskij, A. N. (1989) *Istoricheskaya poetika [Historical poetics]*. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 405 p. (In Russian)
- White, H. (2002) *Metaistoriya: Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka [Metahistory: The historical imagination in Nineteenth-Century Europe]*. Yekaterinburg: Ural Federal University Publ., 528 p. (In Russian)

References

- Averintsev, S. S. (1997) *Poetika rannevizantijskoj literatury [Poetics of Early Byzantine literature]*. Moscow: Coda Publ., 342 p. (In Russian)
- Domanska, E. (2010) *Filosofiya istorii posle postmodernizma [Encounters: Philosophy of history after postmodernism]*. Moscow: Kanon+ Publ., 399 p. (In Russian)
- Evlakhov, A. M. (1910) *Vvedenie v filosofiyu khudozhestvennogo tvorchestva. Opyt istoriko-literaturnoj metodologii: v 3 t. T. 1. Metodologiya i nauka. Ontogeneticheskij analiz [Introduction to the philosophy of artistic creativity. Experience of historical and literary methodology: In 3 vols. Vol. 1. Methodology and science. Ontogenetic analysis]*. Warsaw: Tipografiya Varshavskogo uchebnogo okruga Publ., 537 p. (In Russian)
- Gubman, B. L., Anufrieva, K. V. (eds.). (2021) *Lingvisticheskij povorot i istoricheskoe poznanie v zapadnoj filosofii XX–XXI vekov [Linguistic turn and historical knowledge in Western philosophy of the XX–XXI centuries]*. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 304 p. (In Russian)
- Isupov, K. G. (1995) *Russkaya estetika istorii: Na materiale literaturnoj klassiki XIX–XX vv. [Russian aesthetics of history: Based on literary classics of the 19th–20th centuries]*. Saint Petersburg: [s. n.], 31 p. (In Russian)
- Kareev, N. I. (1886) *Literaturnaya evolyutsiya na Zapade: Ocherki i nabroski iz teorii i istorii literatury s tochki zreniya nespetsialista [Literary evolution in the West: Essays and sketches from the theory and history of literature from a layman's point of view]*. Voronezh: Izdanie zhurnala “Filologicheskie zapiski” Publ., 338 p. (In Russian)
- Merezhkovskij, D. S. (1893) *O prichinakh upadka i novykh techeniyakh sovremennoj russkoj literatury [Add to selected about the reasons for the decline and new trends in Modern Russian Literature]*. Saint Petersburg: Tipografiya B. M. Vol’fa Publ., 192 p. (In Russian)
- Sedakova, O. A. (2010) *Rassuzhdenie o metode. Sergej Sergeevich Averintsev i ego kniga “Poety” [Reasoning about the method. Sergei Sergeevich Averintsev and his book “Poets”]*. In: *Moralia: esse, leksii, zametki, interv’yu [Moralia: Essays, lectures, notes, interviews]*. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo Publ., 864 p. (In Russian)
- Shajtanov, I. O. (2007) *Istoricheskaya poetika A. N. Veselovskogo: sravnitel’nyj metod [Historical poetics of A. N. Veselovsky: Comparative method]*. *Znanie, ponimanie, umenie*, no. 3, pp. 170–175. (In Russian)
- Тюпа, В. И. (2016) *Aktual’nost’ A. N. Veselovskogo: istoricheskaya poetika kak “russkaya komparativistika” [Actuality Veselovsky’s: Historical poetics as Russian comparative]*. In: Т. В. Говенько (ed.). *Nasledie Aleksandra Veselovskogo v mirovom kontekste. Issledovaniya i materialy [The legacy of Alexander Veselovsky in the global context. Research and materials]*. Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., pp. 71–82. (In Russian)
- Yurchenko, T. G. (2022) *Istoricheskaya poetika: problemy izucheniya i perspektivy razvitiya: analiticheskij obzor [Historical poetics: Problems of study and development prospects: An analytical review]*. Moscow: [s. n.], 90 p. (In Russian)

Сведения об авторе

Юлия Валентиновна Балакшина

SPIN-код: [8684-7660](#), Scopus AuthorID: [57210921660](#), ORCID: [0000-0002-4187-1633](#), e-mail: jbalaksh9@gmail.com

Доктор филологических наук, доцент теологии, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

Author

Yulya V. Balakshina

SPIN: [8684-7660](#), Scopus AuthorID: [57210921660](#), ORCID: [0000-0002-4187-1633](#), e-mail: jbalaksh9@gmail.com

Doctor of Sciences (Philology), Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia